

В.А.Голиней

Влияние внутренних и внешних факторов на государственность в Латинской Америке

В статье рассматривается понятие «государство» с точки зрения внутренних (каудильизм, неоднородность развития, внутривнутриполитическая борьба) и внешних (межгосударственные войны, интеграционные процессы, политика регионализма и наднациональные институты) факторов, влияющих на его формирование в Латинской Америке. Опираясь на анализ влияния внешних факторов, автор выделяет несколько моделей регионализма, которые, переплетаясь с внутренними факторами, определяют ряд векторов развития государств региона.

Ключевые слова: государство, Латинская Америка, регионализм, политическая интеграция, Mercosur, Тихоокеанский альянс, ALBA.

DOI: 10.31857/S0044748X0027274-0

Статья поступила в редакцию 02.01.2023.

Государство — один из центральных концептов, использующихся в гуманитарных и социальных науках. Несмотря на то, что само понятие «государство» постоянно подвергается всестороннему изучению [1], оно по-прежнему не теряет актуальности в анализе сущностных аспектов и специфических черт, характерных для разных обществ, обладающих уникальным историко-культурным опытом формирования.

Обращение к данной теме неслучайно. В зарубежных и отечественных исследованиях, авторы которых задаются вопросом, что такое государство, существует ли оно само по себе или является производной формой совокупных действий каких-либо акторов [2], можно найти разные подходы. Чаще всего в этом случае затрагиваются отраслевые проблемы, например, аспекты безопасности или административного управления (юридические и нормативно-правовые основы функционирования государства) [3, сс. 425-599],

Владимир Андреевич Голиней — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН (РФ, 115035, Москва, Б. Ордынка, 21/16, natli2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1135-2322>).

различия в идеологических взглядах на «основы» и движущие силы формирования государства (в качестве примера можно привести граммшианскую традицию гегемонизма [4, сс. 18-132]) и т.д. В то же время в западно-европейской политической мысли, в первую очередь в рамках теоретических представлений Макса Вебера [5], развивалось несколько концептов, которые позволяют посмотреть на государство под разными углами зрения. В данной статье речь пойдет о таких понятиях как *state* и *patrimony*, так как, обращаясь именно к ним, можно вычленил ряд особенностей латиноамериканского взгляда на государственность.

В отечественной литературе исследователи чаще обращаются к изучению опыта европейских стран, практически не затрагивая аспекты патриониализма Латинской Америки, который играет большую роль в понимании строительства государства в регионе. Аспекты латиноамериканского регионализма довольно редко рассматриваются с точки зрения их влияния на политику государств в рамках интеграционных процессов и институциональных форм регионального управления. Чаще всего ученые уделяют внимание глобальному контексту и европейскому и североамериканскому опыту. Обращение к анализу вышеописанных аспектов применительно к латиноамериканской действительности определяет актуальность и новизну статьи.

Таким образом, целью данного исследования оказывается выявление сквозь призму регионализма, а также концептов *state* и *patrimony* различных векторов развития государственности в Латинской Америке. Методологической основой работы являются конструктивистский, институциональный и системный подходы, а также анализ концепций регионализма.

ШТРИХИ К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ

Упомянутые выше концепты *state* и *patrimony* оказали прямое воздействие на формирование идей о государственности в Бразилии и бывших испанских колониях, которые, обретя независимость, начали формировать основы собственной государственности. Позже теоретические изыскания были обогащены реальностью, обусловленной человеческой деятельностью. Осмысление этого теоретического и практического наследия дает возможность выделить внутренние и внешние факторы, повлиявшие и продолжающие влиять на процессы государственного строительства в регионе.

Считается, что термин *lo stato*, который стал использоваться для обозначения «государства», впервые употребил итальянский мыслитель и политик Никколо Макиавелли в своем произведении «Государь» в XVI в. Этот термин понимался как выражение некоторого «состояния» и «порядка». «Для Макиавелли государство означало не столько действительность с раздробленностью страны, междоусобицей, сколько состояние, к которому Италии следовало стремиться» [6, с. 42]. При этом некоторые исследователи считают, что концепты «государства» появились в других европейских языках в качестве производных именно от итальянского *lo stato*. На наш взгляд, сами идеи существовали и ранее, хотя касались вопросов территорий. Так, например, привычное английское *state* берет свое начало в XIII в.

от старого французского *estat*, слова, которое напрямую образовалось от латинского *status*, что означает статус, позиция, состояние [7, с. 58]. В политическом контексте *state* стало использоваться как обозначение некоего статуса территории (*condition of the country*) от латинского выражения *status rei publicae* (статус республики) [8]. Уже во времена Вестфальского мира (1648 г.) с развитием философских идей в Англии *state* приобрело окончательное значение как «государство», в которое вкладывалось, в первую очередь, понимание статуса суверенитета правительства, а не просто территории. Для обозначения понятия «территория» чаще стали использовать концепт *country*. Соотношение правительственного и территориального критериев позволило выявить, что основополагающими элементами государства являются не только материальные факторы (земля, общество, его хозяйственная деятельность на этой земле и результаты этой деятельности), но и нематериальные в виде управления [9, с. 94] (форма господства, организации, администрации и политического управления, которые бы определяли суверенитет управляемых территорий). Суверенитет лег в основу понимания любого государства и со временем стал неразрывно связан с посягательствами на него внешних сил, то есть других государств, и также региональных и наднациональных структур.

Другим концептом, раскрывающим сущность государства, следует считать понятие *patrimony*, которое изначально означало «вотчина, наследство» [10]. Это понятие неразрывно связано с патримониализмом, который подробно исследовал М.Вебер, рассматривая различные типы господства и подчинения одной группы людей воле правителя [5, сс. 252-291]. С одной стороны, государство, понимаемое как *patrimony* (вотчина), неразрывно связано с материальным наследием, которое остается от предыдущих эпох и форм развития того или иного общества и наследуется текущим и грядущими поколениями. С другой стороны, патримониализм, будучи «формой политической организации, при которой власть основывается главным образом на личном господстве» [11], актуализирует сущность государственности с точки зрения нематериального наследия и общего достояния — традиции управления (господства и бюрократии). К подобному виду наследия можно отнести «общие институциональные порядки и системы ценностей, которые считаются «унаследованными» от общей власти и обеспечиваются ею» [12, р. 38]. Все эти концептуальные основы *patrimony* подобно внутренним факторам влияют на развитие государственности.

Принимая во внимание переплетение описанных выше концептуальных основ государства и государственности, рассмотрим, как они реализовывались в Латинской Америке.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ

Среди внутренних факторов обычно выделяют каудильизм, в рамках которого в одних руках сосредоточены основные факторы производства, что постепенно приводит к формированию местных элит олигархического и авторитарного типа, а в экономике — к созданию больших латифундий. «Любое поместье представляло собой некую модель замкнутого централизованного «государства», в котором асендадо пользовался абсолютной вла-

стью, регулировал все стороны жизни обитателей поместья и требовал от них безоговорочного послушания. Одновременно латифундист выступал в роли покровителя «своих» людей, защищал их интересы, предоставлял работу, пропитание и крышу над головой» [13, с. 164]. При этом, получив власть, местные элиты в первую очередь заботились о личном обогащении и зачастую концентрировались в городах — столицах территориальных образований. Это в свою очередь привело к появлению еще одного труднопреодолимого внутреннего фактора государственного строительства в Латинской Америке — неоднородности территориального развития как стран в целом, так и отдельных районов того или иного государства. Каудильизм и латифундизм, развивавшиеся в XIX и XX в. в Латинской Америке, следует рассматривать не как простой феномен, а как явление, имеющее глубокие корни и причинно-следственные связи для данного региона — своего рода традицию наследия, понимаемую в формате *patrimony*.

В этом же ключе на становление отдельных латиноамериканских государств после обретения ими независимости в XIX в. большое влияние оказала внутренняя борьба элит. Она выражалась в борьбе разных сил за унитарное или федеративное государство, за универсальное единое или конфедеративное пространство. Например, в Объединенных провинциях Рио-де-ла-Платы происходило противостояние между Буэнос-Айресом и прибрежными провинциями с «Лигой внутренних областей» [14], закончившееся образованием Аргентины. В Чили между консервативными и либеральными силами, выступавшими за разные пути развития страны, в 1829—1830 гг. началась гражданская война [15], а в Мексике, от которой начали отделяться центральноамериканские государства, «имея перед собой пример южных вице-королевств и страшась [дальнейшего] распада страны» [16, р. 269], после череды смен унитарного республиканского и монархического управления, в 1824 г. была образована федерация из штатов. В Центральной Америке инициативы по объединению бывших испанских колоний (Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор [17]) в одну территориальную конфедеративную или унитарную страну возникли в первой четверти XIX в., и вплоть до середины XX в. было предпринято восемь попыток объединить разрозненные республики [18, pp. 59-61]. Важную роль в этом процессе играло самоопределение и сознание своей отдельной идентичности и национальности (*patria nacional*) или, напротив, создание единого центральноамериканского отечества (*patria centroamericana* [19, р. 265]).

В итоге во всех новообразованных странах появились политические силы в лице социалистов-утопистов, либералов и консерваторов, которые по-разному видели пути развития своих государств. Представляется, что путь создания национального государства или некоторого «малого Отечества» (по примеру центральноамериканского выбора), которое бы объединяло несколько стран, стало еще одной характерной чертой государственности в Латинской Америке, чертой, которая более столетия приводила к гражданским войнам между основными политическими силами за выбор того или иного вектора развития. Ориентировочно к 1940-м годам внутренняя военная борьба между местными каудильо или иными формированиями сменилась внутренней политической борьбой, т.е.

противостоянием между партиями и их представителями сугубо в рамках политического поля. Это стало возможным в результате длительного идеологического размежевания между собой политических сил и созданием в это время политических систем.

Отдельно стоит упомянуть Бразилию. В XIX — начале XX вв. бразильские интеллектуалы представляли свою страну как самобытное пространство, «безмерный, огромный остров, который сам по себе являлся континентом» [20, р. 13], и отличается от соседей по Западному полушарию не только формой правления (большую часть XIX в. Бразилия была монархией), но и социально-культурными корнями. Имея схожий с другими латиноамериканскими странами набор внутренних факторов и проблем в виде коронелизма* [22], внутренней борьбы элит, которая в первой половине XX в., например, была связана с «политикой кофе с молоком»** и вызванного вследствие этой борьбы неоднородности территориального развития (например, «в период с 1922 по 1964 г. в стране произошло 16 крупных и средних военных и военно-гражданских переворотов, которые существенно замедлили ее социально-экономическое и политическое развитие» [24, с. 62]), Бразилия все же отличалась особой самобытностью, которую легче воспринять, если обратиться к пониманию патримониализма [25], уходящего корнями в колониальный период.

Португальская колониальная империя отличалась от испанской и представляла собой довольно сложное государство. «Концентрация власти и богатства в руках государя являла собой аналог ассоциации последнего с дворянством, духовенством и «людьми удачи» самой страны и за рубежом [в колониях] в общем военном, экономическом, политическом и религиозном предприятии» [26, р. 34] — строительстве государства. Поэтому не стоит удивляться, что традиции управления в Бразилии, ее бюрократический аппарат и некоторый экономический и политический *ethos**** также были привнесены Португалией. «Бразильская империя строилась на прочной базе патриархальной концепции власти, уходящей корнями в португальскую политическую традицию. Такая основа прекрасно легла на ментальную архитектуру рабовладельческого общества в период империи» [27, сс. 136-137], предопределила развитие бразильского латифундизма и политического стиля государственного строительства, несколько отличающегося от аналогичных процессов, происходивших в соседних латино-

* От порт. *coronel* — «полковник» как «предводитель», «политический лидер». Система коронелизма как власти местных каудильо, сформировавшаяся на Северо-Востоке страны, означала политический контроль соперничавших между собой семейных кланов сельской аристократии над определенными регионами и муниципиями [21, с. 188].

** Смыслом данной политики являлось чередование руководства страны, преимущественно избираемого из штатов Сан-Пауло (где производили кофе) и Минас-Жераис (где производили молоко), для чего требовалась безоговорочная поддержка федеральным правительством руководства штатов в обмен на обеспечение избрания пропрезидентских депутатов в Законодательное собрание [23].

*** Этос (греч. *ἦθος*) — набор убеждений, идей и т.д. о социальном поведении и взаимоотношениях в обществе.

американских странах как в XIX в., так и в XX при строительстве «нового государства» (*Estado Novo*) и современной Бразилии.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Помимо описанных выше внутренних факторов существовали внешние, которые, как было отмечено в начале статьи, оказывали влияние на такой аспект государства, как суверенитет (*state*). К одним из таких факторов стоит отнести различные войны с интервентами (Великобританией, Испанией, США, Францией) и с соседями.

Самым кровопролитным межгосударственным конфликтом в латиноамериканском регионе считается война Парагвая против Тройственного альянса в составе Аргентины, Бразилии и Уругвая (1864—1870 гг.). Эта война оставила глубочайший след в истории каждой из участвовавших в ней стран и серьезно повлияла на национальную идентичность, государственное и институциональное строительство не только, например, Парагвая [28], но и Бразилии.

Всего же почти за 200 лет в Латинской Америке произошло порядка 28 межгосударственных войн, что, конечно, меньше, чем внутригосударственных — 65 [29, pp. 44-46]. Тем не менее любая война с внешним противником всегда способствовала сплочению людей, проживающих в одной местности, влияла на самоидентификацию народов, формируя историческую память и «лицо» страны.

Другие внешние факторы начали проявляться во второй половине XX в. и связаны с процессом становления региональных интеграционных объединений и международной системы отношений в целом. В ходе развития глобализации и установления более сплоченного мира суверенитет стал размываться из-за деятельности транснациональных компаний и вследствие появления региональных и наднациональных структур. Наличие органов управления регионального или общемирового уровня следует рассматривать как важный фактор, оказывающий существенное влияние на государственность тех или иных стран, особенно в Латинской Америке.

Известно, что для вступления в региональные объединения необходимо соблюдать определенные условия и «правила» функционирования членом внутри организации. В ходе развития интеграционных процессов каждое государство частично теряет суверенитет, который восполняется интеграционными институтами и бюрократическим аппаратом, что в то же время вынуждает страны изменить свою внутреннюю политику, для того чтобы соответствовать выработанным критериям. То есть мы можем предположить, что подобный внешний фактор отображает трансляцию принципов функционирования региональных процессов сверху вниз, что влияет на государственное строительство и суверенитет. Например, принципы функционирования Организации американских государств (*Organization of American States, OAS*) в середине XX в. не предусматривали, что членами организации могут быть коммунистические страны, поэтому из *OAS* было исключено правительство Кубы, а дальнейшие действия США и самой организации были нацелены на смену правящего режима на «Острове Свободы», что напрямую влияло на суверенитет и государственность карибской республики.

В Латинской Америке влияние региональных структур управления также проявляется не просто на примере разных интеграционных объединений, а в ходе реализации тех или иных моделей политики регионализма. Данный концепт (регионализм) часто путают с процессом регионализации, так как многие исследователи видели под регионализмом региональную интеграцию. Однако регионализм необходимо понимать, как «политику и проект, посредством которых государства и негосударственные субъекты сотрудничают и координируют между собой стратегию в рамках конкретного региона» [30, р. 24]. Данная стратегия влияет на суверенитет стран и охватывает несколько процессов, из которых наиболее значимыми являются централизация и автономизация.

Некоторые государства могут образовывать регион в процессе группирования, а другие, в свою очередь, останутся «суверенными», следуя национальным интересам. «Идея автономии [суверенитета], направленная на преодоление подчиненности... стран перед крупными державами международной системы» [31, р. 7], имеет важное значение в регионализме. Эта идея объясняет поведение государств, находящихся в одном пространстве. В случае, когда страны сталкиваются с общими угрозами и проблемами безопасности, то чаще всего происходит сближение, которое приводит к региональному сотрудничеству и формированию структур, фиксирующих правила этого взаимодействия в виде каких-то институтов (организаций). Однако в то же время происходят и центробежные процессы, которые могут «открыть» суверенитет более слабых и мелких стран. Ответом на процесс централизации таких стран является автономизация, когда они создают суверенную «зону интересов» [32, pp. 250-282], фиксируя свою специфику и выбивая себе больше автономных преференций. Оба процесса могут быть отождествлены с регионализацией, которая будет проходить в виде региональной интеграции, в то время как содержательный аспект централизации и автономизации будет представлен политикой государств, то есть регионализмом. Необходимо также учитывать наличие или отсутствие регионального лидера, который будет проводить политику регионализма в той или иной форме.

Исходя из анализа процессов региональной централизации и автономизации, в Латинской Америке можно выделить несколько моделей регионализма, каждая из которых по-своему будет влиять на государство — участника региональных объединений. Первая модель — институционально-централизованная, модель ортодоксального регионализма. Она ориентирована на внутреннее межрегиональное сотрудничество. В рамках этой модели долгое время реализовывалась идея десаррольизма и неодесаррольизма* — экономической теории на основе политики «ускоренной индустриализации с активным участием иностранного капитала, укреплением госсектора, развитием демократических порядков и обеспечением основных гражданских прав и свобод самых широких слоев населения» [33, с. 54]. Эта модель соответствует такому региональному объединению, как

* Десаррольизм (от исп. *desarrollo* — развитие) — теория модернизации в странах Латинской Америки.

Общий рынок стран Южного конуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*), опыт формирования которого был частично скопирован с Европейского союза [34]. В *Mercosur*, как и в Евросоюзе, был создан полноценный таможенный союз, а затем были предприняты попытки создания единого парламента и иных наднациональных структур управления [35], как в Европе. Государства, ставшие участниками *Mercosur* или стремящиеся присоединиться к нему, вынуждены соблюдать определенные критерии. Например, вследствие нарушения одного из таких критериев, как несоблюдение гражданских прав, статус Венесуэлы был понижен до ассоциированного члена. Когда в Венесуэле начался политический кризис, страны — участницы *Mercosur* выступили за необходимость диалога между правительством и оппозицией, однако нормализации ситуации в Венесуэле не последовало, что повлекло за собой включение механизмов Ушуйского протокола *Mercosur*, который предписывал Венесуэле «выполнение всех обязательств в сфере торговли и прав человека» [36, с. 84]. В то же время некоторая идеологическая ангажированность данного решения была продиктована общерегиональным сплочением стран против Венесуэлы и связана с процессом «правого поворота», последствия которого можно считать ярким примером влияния внешнего фактора на строительство «государства» в регионе. Несмотря ни на что, Венесуэле удалось отстоять свое право на существование в той форме, которую она обрела после прихода в 1999 г. к власти Уго Чавеса (1999—2001, 2002—2013 гг.). Именно благодаря этому деятелю Венесуэла также стала одним из немногих государств Латинской Америки, которое начало продвигать свою альтернативную политику регионализма (постгегемонистский регионализм) в виде Боливарианского альянса (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América — Tratado de Comercio de los Pueblos, ALBA-TCP*). Формат *ALBA* стоит считать второй централизованной моделью региональных организаций, только в случае с ней речь идет не об институционально-централизованной форме, а о государственно-центричной, так как деятельность *ALBA* целиком и полностью зависит от ресурсов и социально-экономической ситуации лишь одного государства объединения — Венесуэлы. «Каракас всегда был ядром *ALBA* благодаря своему геополитическому авторитету и финансовым вливаниям в экономики партнеров. В июне 2005 г. Венесуэла запустила проект *Petrocaribe*, в рамках которого экспортировала энергоресурсы в страны Центральной Америки и Карибского бассейна на льготных условиях, тем самым заручившись их поддержкой» [37, с. 60]. Сплотив вокруг себя единомышленников, разделяющих принципы «Социализма XXI века», внутрорегионального сотрудничества и ориентации государства на строительство социалистической модели, Венесуэла активно проводила антиимпериалистическую политику. С падением доходов от нефти активность Венесуэлы также стала снижаться, минимизировав функционал *ALBA*, из которого по идеологическим причинам вышел Эквадор, отказавшийся от формата социалистического государства.

Абсолютно иной представляется третья модель регионализма — автономно-открытая (иногда ее именуют постлиберальной [38]), которую выстраивают Мексика, Колумбия, Перу и Чили в рамках Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*). Страны, входящие в альянс, стремятся к со-

зданию многовекторного свободного сотрудничества не столько между собой, сколько в первую очередь с другими внерегиональными государствами через зоны свободной торговли (ЗСТ), полагаясь на идеи экономической либерализации и открытого регионализма. Идеи открытого регионализма в экономической сфере развивались в 1990-е годы и были прямым следствием политических решений в рамках Вашингтонского консенсуса. В то же время «открытость» означала копирование модели регионализма, предлагаемой США, а именно — создание не жестко институционализированных объединений, возникающих путем оформления ЗСТ, например, Североамериканского соглашения о свободной торговле (*North American Free Trade Agreement, NAFTA*), а в дальнейшем нереализованной Всеамериканской зоны свободной торговли (*Free Trade Area For Americas, FTAA*).

Подобная автономно-открытая модель значительно отличалась от более государственно ориентированной формы таможенного союза *Mercosur*, и тем более от антинеолиберальной повестки *ALBA*. Стратегия регионализма *Mercosur* была направлена на сплочение стран внутри Южной Америки, в то время как стратегия *AP* сводилась к тому, чтобы укрепить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), т.е. «легализовать» большое количество ЗСТ, которые были созданы этими странами с государствами АТР. Краеугольным камнем позиции Мексики, Колумбии, Чили и Перу была ориентация на АТР, чтобы закрепить и улучшить положение стран в этой бурно развивающейся части мира [39, pp. 85-87]. Следовательно, модель *AP* меньше всех затрагивает аспекты корректировки государственности в странах-участницах, так как их основной вектор сотрудничества и политика регионализма — это взаимодействие с внешними международными акторами (азиатскими государствами в первую очередь). Представляется, что вопросы внутригосударственного строительства государств — членов *AP* отходят на второй план, хотя в перспективе тенденции нарастания противоречий в объединении будут связаны именно с этой областью. Следует также отметить нацеленность на институционализацию интеграционных процессов в АТР, где свои «правила» будет диктовать Китай.

ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Если подводить некоторый итог рассматриваемым процессам влияния внешних факторов на государственность в Латинской Америке, то можно отметить, что, учитывая наличие нескольких форм регионализма, государства группируются между собой в зависимости от объединяющей повестки, которая будет различаться в идеологическом плане и влиять на их внутреннюю политику (т.е. патримониализм — политическое устройство и управление). Переплетение внешних и внутренних факторов становится хорошо заметным, когда речь заходит о превалировании тех или иных политических сил внутри той или иной страны (правые, левые и центристы). Политическая ориентация заставляет государства Латинской Америки искать себе союзников в регионе, а также бороться с оппозицией внутри. Поиск союзников (внешняя политика) и борьба (внутренняя политика) напрямую соотносятся с по-

литикой регионализма в Латинской Америке. Таким образом, соединяя внутренние и внешние факторы, мы можем выделить три вектора развития «государства» в регионе.

Первый вектор — «синий» консервативный, которому соответствует институционально-централизованная модель регионализма. Этот вектор подразумевает, что стабильное развитие государства возможно при нахождении точек соприкосновения и компромиссов между правыми и левыми политиками, где основную роль будут играть центристские силы, воплощающие в жизнь, например, в экономике, как рыночные принципы, так и элементы нерыночного характера. Развитие интеграционных процессов в этом случае может происходить по модели *Mercosur* с экстраполяцией на весь регион, например, может быть реанимирован проект *Merconorte*.

Второй вектор — «красный» левый, которому соответствует государственно-центричная модель регионализма. Этот вектор развития социалистического государства возможен в странах, поддерживающих принципы «Социализма XXI века». В то же время стоит отметить, что при вхождении в региональные объединения других моделей, страны данного вектора будут сталкиваться с необходимостью смены своей государственности: в организациях, где будут превалировать центристы, левые могут попадать в ситуацию некоторых требуемых, но не экзистенциальных изменений. А в организациях с превосходящими правыми политическими силами, левым предстоит выбор: или выход, или полная перекройка внутренней системы.

Третий вектор — «желтый» правый, которому соответствует автономно-открытая модель регионализма. Данный вектор подходит тем странам, которые разделяют неолиберальный подход. Ввиду того, что стратегия регионализма данной модели предполагает, в первую очередь, сотрудничество с внерегиональными акторами (в АТР и не только), интеграционные процессы в Латинской Америке в данном случае будут тормозиться, а повестка латиноамериканского единства будет нестабильна. При этом, в случае выстраивания в АТР более институционализированных (наднациональных) структур в виде Транстихоокеанского партнерства (*Trans-Pacific Partnership, TPP*) или Всестороннего регионального экономического партнерства (*Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP*), может случиться так, что макрорегиональная повестка выдвинет свои условия для латиноамериканских государств, что заставит их пересмотреть некоторые внутренние принципы, то есть повлияет на их государственность и суверенитет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. М., Весь Мир, 2020, 384 с. [Gosudarstvo v politicheskoy nauke i sotsial'noy real'nosti XXI veka. [State in political science and social reality of the XXI century]. Moscow, Ves Mir, 2020, 384 p. (In Russ.).
2. Steinberger P.J. The Idea of the State. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 344 p.
3. «25 лет внешней политике России»: сб. материалов X Конвента РАМИ. Т.2: Россия и современный мир: политика и безопасность. Ч.2. М., МГИМО-Университет, 2017, 599 с. [“25 let vneshney politike Rossii”: sb. materialov X Konventa RAMI. T.2: Rossiya i sovremennyy mir: politika i bezopasnost'. Ch.2. [“25 Years of Russia's Foreign Policy”: Sat. materials

of the X RAMI Convention. Vol.2: Russia and the modern world: politics and security. Part 2]. Moscow, MGIMO-University, 2017, 599 p. (In Russ.).

4. Грамши А., Лукач Д. Наука политики. Как управлять народом. М., Алгоритм, 2017, 336 с. [Gramsci A., Lukács G. Nauka politiki. Kak upravlyat' narodom. [The science of politics. How to manage the people]. Moscow, Algoritm, 2017, 336 p. (In Russ.).

5. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии (в 4-х томах). Т.1. Социология. М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2016, 448 с. [Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchey sotsiologii (v 4-kh tomakh). [Economy and society. Essays on understanding sociology (in 4 volumes)]. Volume 1. Sociology. Moscow, Ed. House of the "Higher School of Economics", 2016, 448 p. (In Russ.).

6. Мартышин О. В. К истории формирования понятия «государство». *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. М., 2018, №4(44), сс.37-48. [Martyshin O.V. K istorii formirovaniya ponyatiya «gosudarstvo» [The History of the Generation of the Concept of "State"]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. Moscow, 2018, N4, pp. 37-48 (In Russ.).

7. Голиней В.А. Полюс как элемент системы международных отношений в XXI в. *Век глобализации*. М., 2019, №1, сс.55-67. [Golinyey V.A. Polyus kak element sistemy mezhdu-narodnykh otноsheniy v XXI v. [Pole as an element of the system of international relations in the XXI century]. *Vek globalizatsii*. Moscow, 2019, N1, pp. 55-67 (In Russ.).

8. Etymology of «state». Online Etymology Dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/word/state> (accessed 16.03.2023).

9. Челлен Р. Государство как форма жизни. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). [Chellen R. Gosudarstvo kak forma zhizni. [State as a form of life]. Moscow. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008, 319 p. (In Russ.).

10. Patrimony definition in Russian. Multitran Dictionary. Available at: <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian/patrimony> (accessed 16.03.2023) (In Russ.).

11. Bakker J.I. Patrimonialism. Encyclopaedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/topic/patrimonialism> (accessed 16.03.2023).

12. Ilyin M. Patrimonialism. What is behind the term: ideal type, category, concept or just a buzzword? *Redescriptions*. Manchester, Spring 2015, Vol. 18, N 1, pp. 26-51.

13. Посконина О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., Весь Мир, 2005, 248 с. [Poskonina O.I. Istoriya Latinskoy Ameriki (do XX veka). [History of Latin America (until the 20th century)]. Moscow, Ves Mir, 2005, 248 p. (In Russ.).

14. Herrero F. Conflictos políticos y definición de identidades de facciones. Entre la caída de la presidencia de Rivadavia y el conflicto de las Ligas del Litoral y del Interior, 1827-1831. *Anuario IEHS*. Tandil, vol.36, N 1, 2021, pp. 61-83.

15. Verbal V. La modernidad en disputa: La temprana ruta chilena al constitucionalismo (1823-1833). *Derecho Público Iberoamericano*. Santiago de Chile, 2022, N 20, pp. 43-68.

16. Escalante Gonzalbo P. Nueva Historia Mínima de México. México, Secretaría de Educación del Gobierno del Distrito Federal, El Colegio de México, 2018, 551 p.

17. Taracena Arriola A. Nación y República en Centroamerica (1821-1865). *Identidades nacionales y Estado moderno en Centroamérica* Arturo Taracena Arriola, Jean Piel. Editorial Universidad de Costa Rica, 1995. Available at: <https://books.openedition.org/cemca/3214> (accessed 23.03.2023).

18. Soto Acosta W. y Suárez Ulloa M. Centroamérica: casa común e integración regional. San José, Costa Rica, Lara Segura and Asociados, 2014, 284 p.

19. Vázquez Vicente G. Nacimiento y ocaso de la Federación de Centro América: entre la realidad y el deseo. *Revista Complutense de Historia de América*. Madrid, 2011, vol. 37, pp. 253-275.

20. da Silva Prado E.P. A ilusão americana Brasília. Brasília, Edições do Senado Federal, vol.11, 2010, 120 p. Available at: https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/1095/000661687_Ilusao_americana.pdf (accessed 23.01.2022).

21. Окунева Л.С. Бразильские правые: краткий очерк исторической траектории в XX – первой четверти XXI в. *Латиноамериканский исторический альманах*. Москва, 2022, № 37, сс. 185-212 [Okuneva L.S. Brazil'skiye pravyye: kratkiy ocherk istoricheskoy

trayektorii v XX – pervoy chetverti XXI vv. [Brazilian Right: brief outline of historical trajectory in the XX – first quarter of the XXI centuries]. *Latin American Historical Almanac*. Moscow, 2022, pp. 185-212 (In Russ.).

22. Oliveira J.F. Origens, desenvolvimento e aspectos do coronelismo. *Revista Sem Aspas*. Araraquara, jan./jun. 2017, vol. 6, N 1, p. 74-84.

23. Лазарев А.В. В тисках элит. Исторический проект «Бразилия». М., Товарищество научных изданий КМК. 2020, 260 с. [Lazarev A.V. V tiskakh elit. Istoricheskiy proyekt «Braziliya». [In the clutches of the elites. Historical project “Brazil”]. Moscow, Association of Scientific Publications KMK, 2020, 260 p. (In Russ.).

24. Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. М., Наука, 2008, 320 с. [Martynov B.F. Braziliya – gigant v globaliziruyushchemsya mire. [Brazil as a giant in the globalizing world]. Moscow, Nauka, 2008, 320 p. (In Russ.).

25. Júnior A.P. Florestan Fernandes e o conceito de patrimonialismo na compreensão do Brasil. *Plural - Revista de Ciências Sociais*. São Paulo, vol.19, N 2, 2012, pp. 9-27.

26. Fernandes F. A sociedade escravista no Brasil. *Fernandes Florestan. Circuito Fechado. 2a ed.* São Paulo, Hucitec, 1977, pp. 11-54.

27. Малерба Ж. Бразильское наследие: конструкция и деконструкция Бразилии в XIX и XX вв. *Латиноамериканский исторический альманах*. Москва, 2014, №14, сс.136-155. [Malerba Zh. Brazil'skoye naslediyе: konstruksiya idekonstruksiya Brazili v XIX i XX vv. [Brazilian heritage: construction and deconstruction of Brazil in the 19th and 20th centuries]. *Latin American Historical Almanac*. Moscow, 2014, pp. 134-155 (In Russ.).

28. Кудеярова Н.Ю. Война Парагвая против Тройственного альянса. Историческая память и поиск основ идентичности. *Латинская Америка*. Москва, 2022, №1, сс. 23-37. [Kudeyarova N.Yu. Voyna Paragvaya protiv Troystvennogo al'yansa. Istoricheskaya pamyat' i poisk osnov identichnosti. [Paraguay's war against the Triple Alliance. Historical memory and the search for the foundations of identity]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2022, N 1, pp. 23-37 (In Russ.).

29. Centeno M.A. Blood and Debt: War and the Nation-State in Latin America. State College, Penn State Press, 2002, 344 p.

30. Farrell M., Hettne B. and van Langenhove L. Global Politics of Regionalism. London, Pluto Press, 2005, 336 p.

31. Rivarola Puntigliano A. and Briceño Ruiz J. Resilience of Regionalism in Latin America and the Caribbean: Development and Autonomy. London, Palgrave Macmillan, 2013, 273 p.

32. Fawcett L. and Hurrell A. Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. New York, Oxford University Press, 1995, 356 p.

33. Яковлев П.П. Перед вызовами времени (циклы модернизации и кризисы в Аргентине). М., Прогресс-Традиция, 2010, 464 с. [Yakovlev P.P. Pered vyzovami vremeni (tsikly modernizatsii i krizisy v Argentine). [In front of the challenges of the time (modernization cycles and crises in Argentina)]. Moscow, Progress-Tradicija, 2010, 464 p. (In Russ.).

34. Кузнецов Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. Москва, 2020, № 2, сс.44-70. [Kuznetsov D.A. Trayektorii regional'nogo razvitiya Latinskoy Ameriki v XXI veke. [Latin America in the 21st century: regional development trajectories]. *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*. Moscow, 2020, N 2, pp. 44-70 (In Russ.).

35. Instancias Supranacionales en el MERCOSUR. Parlamento MERCOSUR. Available at: <https://www.parlamentomercosur.org/innovaportal/v/884/2/parlasur/instancias-supranacionales-en-el-mercosur.html> (accessed 21.04.2023).

36. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 5, сс. 79-87 [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Krizis v Venesuele i regional'naya integratsiya. [Venezuelan crisis and regional integration]. *World Economy and International Relations*. Moscow, 2017, vol. 61, N 5, pp. 79-87 (In Russ.).

37. Посашкова А.В. Венесуэльский кризис как угроза региональной интеграции в Латинской Америке. *Латинская Америка*. Москва, 2018, № 3, сс. 56-66 [Posashkova A.V.

Владимир Голиней

Venesuel'skiy krizis kak ugroza regional'noy integratsii v Latinskoj Amerike. [The Venezuelan crisis as a threat to regional integration in Latin America]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 3, pp. 56-66 (In Russ.).

38. Разумовский Д.В. Конец постлиберального регионализма в Латинской Америке? *Латинская Америка*. Москва, 2018, № 1, сс. 25-44 [Razumovskiy D.V. Konets postliberal'nogo regionalizma v Latinskoj Amerike? [The End of Post-Liberal Regionalism in Latin America?]]. *Latin America*. Moscow, 2018, N 1, pp. 25-44 (In Russ.).

39. Marchini G. La Alianza del Pacifico a ocho años de su creación. Balance crítico y perspectivas. *Anuario Latinoamericano – Ciencias Políticas y Relaciones Internacionales*. Lublin, 2019, vol. 7, pp. 75–109.

Vladimir A. Goliney (natli2009@yandex.ru)

Cand. Sci (Politicalology), Senior researcher at the Department of political studies of Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Str., 21/16, 115035, Moscow, Russian Federation

The influence of internal and external factors on statehood in Latin America

Abstract. The current article examines the concept of “state” taking into accounts internal and external factors influencing statehood’s formation in Latin America. Internal factors are caudilism, heterogeneity of development, internal political struggle and external are interstate wars, integration processes, the policy of regionalism and supranational institutions. The author identifies several models of regionalism and vectors of development of states in Latin America, by analyzing the influence of intertwined internal and external factors.

Key words: state, Latin America, regionalism, political integration, MERCOSUR, Pacific Alliance, ALBA.

DOI: 10.31857/S0044748X0027274-0

Received 02.01.2023.